

РАЗДЕЛ I

ЯЗЫК И ТЕКСТ

П. Е. Ахраменко

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии МГПУ им. И. П. Шамякина
(г. Мозырь, Республика Беларусь)

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ БЕЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале романа И. П. Шамякина «Снежные зимы»)

В условиях коммуникации почти всегда выражается отношение к тому, о чем говорят. Наблюдается это и на вербальном, и на невербальном уровнях. В художественном тексте вербальный уровень реализуется чаще всего в форме прямой речи, невербальный же регулярно обозначается в словах автора. Различные формы выражения отношений на лексическом уровне детально исследовали В.В. Виноградов, П.Н. Денисов, М.И. Фомина, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелев, П.П. Шуба и др. на уровне анализа функционирования лексем в речи, их коннотаций. Менее разработаны в этом плане проблемы употребления синтаксических единиц в связи с тем, что лексическое значение обозначено более четко, оно лежит на поверхности, «более материализовано». Анализу синтаксических единиц в коммуникативном аспекте посвящены работы В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, З. Новоженовой и др.

Отношение к происходящему на синтаксическом уровне может быть выражено, прежде всего, посредством использования единиц синтаксиса определенного состава. Так, например, чтобы четко обозначить субъект действия, используются прямые конструкции. Если по условиям контекста четко обозначенный субъект не нужен или невозможен, для передачи различных состояний как человека, так и окружающей среды в художественных текстах активно используются безличные синтаксические единицы. Безличные синтаксические структуры в силу своей природы способны отражать различные чувства, переживания героев.

По содержанию выражаемых значений безличные предложения очень многоплановы. В.В. Бабайцева называла их «самой пестрой группой» среди односоставных предложений по способам обозначения семантики.

С точки зрения функционирования безличных синтаксических единиц на уровне построения текстов, как отмечала А. Вежбицкая, они являются лингвоспецифичными концептами русского языка, для них

свойственна эмоциональность, иррациональность, неагентивность [1, 33]. Все эти значения и многие другие способны активно передаваться при помощи безличных предложений в ткани художественных произведений.

Используя в тексте произведений безличные синтаксические единицы, автор описывает действительность и представляет нам попытку проникнуть в образ мышления героев, попытку взглянуть на мир глазами этих героев, переживать вместе с ними их душевное состояние.

Безличные предложения позволяют автору произведений говорить об эмоциях, чувствах, переживаниях и других ментальных актах действующих лиц как о независимых от их воли и ими не контролируемых, т.е. описывать их душевное состояние.

Через безличные синтаксические единицы, включенные в авторское повествование и слова его героев, писатель показывает состояние людей, а обозначая состояние через безличные единицы, обозначает и его отношение к тому или иному герою. Так, например, роман И.П. Шамякина «Снежные зимы» (авторизованный перевод с белорусского А. Островского) начинается с того момента, когда Антонюк, вынужденный пенсионер, приехал на охоту в пущу. Его состояние, отношение к случившемуся передается рядом безличных глагольных построений. Категория лица в таких глаголах-сказуемых имеет чисто формальное значение, это застывшая форма 3-го лица (или форма среднего рода прошедшего времени), действие или состояние происходит, осуществляется независимо от деятеля, т.е. семантика таких глаголов несовместима с представлением об активном деятеле.

Общее значение безличных предложений данного типа определяется значением безличного глагола. Семантические оттенки разнообразны, но все они объединены общим значением состояния неопределенности:

А может, потому, что он глубоко задумался? В лесу всегда хорошо думается. Лес успокаивает, разгоняет тревогу, волнения. Не раз уже случалось, что неприятности, вчера еще казавшиеся чуть ли не трагедией, после такой вот прогулки по лесу и раздумий под шум деревьев или под шелест опавших листьев под ногами оказывались мелкими, не стоящими серьезных огорчений.

Сейчас никаких неприятностей не было. Он приехал сюда просто отдохнуть [с. 5; П.А. Здесь и далее указываются лишь страницы по цитируемому произведению].

Переживания Антонюка сливаются с состоянием окружающего. Ведь не даром говорят, что, когда ты плачешь, весь мир с тобой плачет. Так получается и у Антонюка, настроение которого сравнивается с настроением старого зубра: *Зубру захотелось одиночества. Ему, Антонюку, тоже вчера хотелось одиночества* [5].

В «Снежных зимах» И.П. Шамякин постоянно говорит о переживаниях главного героя, о неопределенности его положения как в общественной, так и в личной жизни. Психологизм переживаний

позволяют передавать безличные единицы, имеющие различное семантическое значение:

1) состояние окружающей среды: *Когда детей привезли, встречать вышел весь штабной отряд, все крестьяне деревни, где мы размещались. А было это – только чуть развиднелось, на рассвете [45];*

2) психофизическое состояние живых существ:

А тут, когда ехал от Василя, меня потянуло проведать [150]. Нервы были натянуты. Ночью меня лихорадило. Не могла уснуть до утра [185];

3) предрасположенность к психофизическому состоянию: *Хотелось лишь одного: до конца понять этого человека, своего зятя [18]. Захотелось, чтобы мужчины по-старому хорошо посидели, побеседовали [20].*

Состояние главного героя передается конструкцией, состоящей из модального глагола, обозначающего его желание-состояние «хотеть» + инфинитив: *Хотелось послушать осенний лес, как падают последние листья, как шуршат под ногами. Послушать самого себя. Только в лесу это удастся. И с утра весь отдался лесу, его грустному настроению. С ним говорил. С лесом. С людьми не с кем. Отдалились все те, с кем когда-то спорил, ссорился, кому доказывал свое [4].*

Для усиления безличности происходящего, глагольные безличные единицы включаются в ряд однородных членов. В таких конструкциях особо чувствуется безысходность, невозможность противостоять сложившимся обстоятельствам. Данные конструкции в тексте могут представлять и построения, когда вспомогательный глагол, обозначающий желание, употребляется лишь один раз, а инфинитив, обозначающий конкретизацию желания наименовывается далее неоднократно: *Еще несколько минут назад хотелось поглубже забраться в пещу, где-нибудь на первобытной полянке между вековых сосен разложить небольшой костер и до вечера сидеть, чтоб надолго насытит жажду одиночества, чтобы месяцы – до следующего «приступа» – носить в себе шум леса и дыхание осени.*

А тут вдруг – после встречи с зубром, что ли? – захотелось к людям [8].

Захотелось вдруг зайти в один из этих белых домов в саду, затопить там печку, если она есть, и сидеть у огня, слушать грохот моря, свист ветра и спокойный шелест своих воспоминаний. Он посмеялся над собой: вот уж поистине пенсионерские мечты! [56].

В безличных конструкциях, обозначающих чувственные восприятия, творительный субъекта или орудийный употребляется факультативно, причем чаще для усиления самопроизвольности действия, состояния не называется. Более емкими следует считать те из них, в которых соседствует безличный предикат без творительного орудийного с безличной единицей, в которой творительный орудийный обозначен:

Должно быть, это от посылок пахло виноградом, но почему она сама забывает? [49]. Они зашли в спальню, где пахло мехом и духами [146]. Полозья поют – за пять верст слышно [105]. Даже отсюда слышно, как булькает где-то близко вода [170].

В конструкциях, с причастием, имеющим добавочное модальное значение, сказуемое употребляется с примыкающим инфинитивом: *Выходит, что надо полюбить до безумия, до самозабвения, чтобы всеми поступками руководили чувства, а не разум. Я, наверное, люблю слишком рационалистически. Поэтому мне суждено остаться старой девой. Не слишком радостная перспектива, но что поделаешь* [177].

Объединяющими скрепами может выступать неоднократно повторяющийся инфинитив при словах категории состояния «можно» и «нужно», причем инфинитив в подобных конструкциях может употребляться для усиления описываемого в конце построения:

Кружились снежники. Печальные старые липы в сквере одевались белым цветом и потому, казалось, молодели. Вот только вороны, старые, черные, никогда не молодеют, злоеще каркают. Вороны навевают невеселые мысли. Но можно посидеть на запорошенной снегом скамейке, поглядеть на молодежь, на долговязых парней, что всегда, в дождь и снег, ходят без шапок, на девушек в пальто и ярко-пестрых шапочках или косынках, говорливых, возбужденных, как Лада; подумать о дочери, о сыне, который, верно, дежурит где-нибудь у экранов локатора, охраняет небо, и успокоиться [26].

В составе сложных предложений в безличных единицах в качестве скрепляющих компонентов могут использоваться слова категории состояния со значением «возможности и необходимости», которые на уровне предложений вступают в антонимические отношения:

Вапняк, хитрюга, знал, когда можно спорить, предъявлять ультиматумы, а когда надо молчать [47].

Безличные, обозначающие необходимость совершения действия, в форме слов категории состояния «нужно, надо» регулярно употребляются в качестве простых предложений как с примыкающим инфинитивом, так и без него:

Слава богу, не нужно никакой дипломатии [95].

Однако ему нужно посмотреть назад, непременно нужно! [83]. *Ей нужно вычеркнуть его из своей жизни и жизни дочери навсегда* [94].

В составе сложноподчиненных предложений безличное со значением необходимости действия в форме слова категории состояния «нужно (надо) + инфинитив» функционирует в качестве главной и придаточной части:

Она ждала других слов, и эти, кажется, еще больше испугали, не смыслом своим – ненужностью – в такой момент, когда им надо говорить не о себе, о Виталии [191]. *Нет, правда, вы не представляете, как это нужно и как будет хорошо* [102]. *Ты же раньше не говорила, что тебе непременно нужно уехать сегодня* [152].

Отсутствие контроля над происходящим в предложениях, где говорится о человеческих чувствах, выражается безличной формой глагола и дательным или винительным падежом имени существительного:

Не выдержал Надиного взгляда, опустил голову, стал листать тетрадку, чтоб убедиться, показалось ему или в самом деле Виталия не всегда ставила даты, только в особых случаях [191].

Данная модель достаточно продуктивна: именно так часто в художественной прозе представляются события ментальной жизни, показывающие, что они просто происходят в жизни сами по себе и что герои не несут за них ответственности. В этих предложениях эксплицитно отрицается ответственность субъекта за ментальные действия: состояние или событие представлены как возникающие спонтанно, причем мы не ощущаем себя связанными по отношению к ним какими-то обязательствами. Безличные предложения, построенные по данной модели, определяют действие как самодовлеющее, независимое от человека:

Сперва мне так и показалось, что она ищет какую-то книгу или тетрадь [192].

Семантический субъект в форме дательного падежа в подобных конструкциях может и не употребляться:

Показалось, что они замахиваются на то святое, что ты завоевал кровью, смертью близких? Показалось, что и тогда, в партизанской землянке, Будыка не все понимал [115].

Может быть, потому так спокойно, уютно показалось теперь в этой комнате, что он почувствовал присутствие этого ребенка [83].

Активно употребляются параллельные конструкции с глагольными сказуемыми типа *хочу – хочется*. Продуктивность данных единиц определяется возможностью образования безличных глаголов от личных с помощью аффикса *-ся(сь)*, способного придавать глаголам безличное значение.

Эта способность личного глагола соединяться с аффиксом *-сь* и образовывать безличные глаголы является основой синтаксического параллелизма: раз есть личный и соответствующий безличный глагол, значит, могут быть построены личное и безличное предложения. Параллельные личное и безличное предложения в составе рядов соотношений образуют звенья ряда. Особенностью рядов соотношений с глаголами *хочу – хочется, работаю – работается, танцую – танцуется* и т.д. является установка на цель коммуникации: необходимость называния субъекта. Самыми распространенными в рассматриваемом ряду соотношений являются параллельные конструкции с модальными глаголами *хотеть – хотеться*. Использование личной и безличной конструкций четко разграничено, и это позволяет говорить о вполне определенных сложившихся и складывающихся закономерностях их употребления.

Безличная конструкция с глаголом *хотется* *-(хотелось)* употребляется тогда, когда нужно подчеркнуть невозможность

выполнения того, что кажется человеку почти реальным, осуществимым. Но этому желаемому по каким-то причинам не суждено сбыться. Причина обычно указывается в следующем предложении или части сложного предложения. Безличный глагол *хочется* (*хотелось*) функционирует в таких конструкциях со значением «иметь намерение» – и сочетается с инфинитивом: *Не считайте себя виноватым. Я не хочу! Утром во мне вспыхнула злость, хотелось, чтоб вы ушли прочь. Но я подумала: тогда и маму надо винить. А за что? За то, что дала мне жизнь? Я счастлива, что живу...* [103].

Из приемника льется такая душевная музыка, что хочется и смеяться и плакать [178].

Но сейчас ему никуда не хочется – ни в лес, ни в поле [163].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Шамякин И. Сердце на ладони: Роман / [Авториз пер. с белорус А. и З. Островских]. – Минск, 1974. – 408 с.